

УДК 159

О. Н. Первушина

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: olgap@fp.nsu.ru

ПСИХОЛОГИЯ В НОВОСИБИРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В год 50-летнего юбилея Новосибирского государственного университета факультету психологии исполняется десять лет. Эти события неизбежно располагают к рефлексии современного состояния дел, к воспоминаниям, подведению некоторых итогов, к мечтам и планам, а также прогнозам. В преддверии праздника на факультете возникла идея восстановления истории зарождения психологии в НГУ.

Восстанавливая путь становления психологии в НГУ, мы опирались на:

1) данные из Государственного архива – отчеты научно-исследовательской деятельности НГУ, планы и отчеты разработки проблем высшего образования, отчеты психологических исследований в НГУ и ФМШ;

2) личные беседы, интервью с людьми, которые оказались хотя бы в какой-то степени причастными к появлению психологии в Новосибирском университете;

3) содержание материалов конференций, сборников научных трудов.

Эта работа оказалась очень трудной, так как большая часть людей, которые помнят робкие попытки психологии и психологов прорасти в Новосибирском университете, уже давно здесь не работает, найти их оказалось нелегко, и только энтузиазм и горячее желание людей, реализующих этот проект, позволили ему осуществиться. Я как руководитель проекта благодарю старшего преподавателя кафедры психологии личности Людмилу Борисовну Можейкину, студентов факультета психологии Ангелину Гришаеву и Елизавету Фон дер Флаас за огромный вклад в реализацию проекта. Большое спасибо также всем, кто отклик-

нулся и предоставил нам свои воспоминания.

В отличие от многих других факультетов, созданных в университете за последние 5–10 лет, наш факультет начинался практически «с нуля». Не было даже отдельных курсов, общеуниверситетской кафедры психологии. При этом, начиная с 1989 г., успешно развивался Учебно-научный центр психологии, основу деятельности которого составляла переподготовка по направлению «Психология». Взрослые люди самых разных профессий получали здесь основы знаний в основном в области практической психологии. Но центр существовал как-то очень отдельно, независимо от университета и никак не влиял на общеуниверситетскую жизнь. Сказывались пространственная удаленность (Центр располагался за пределами университетской учебной территории, в общежитии № 9) и финансовая независимость (Центр вел хозрасчетную деятельность с самого начала своего возникновения). Решение об организации нового факультета было принято на ученом совете НГУ по инициативе и при непосредственном участии Николая Сергеевича Диканского и Натальи Владимировны Дулеповой. Я была назначена деканом-организатором. Нам была выделена комната, где стоял один стол и один стул, второй принесли из аудитории. Больше ничего не было: ни преподавателей, ни учебных планов, ни студентов, ни бюджетных мест, ни денег, ни книг, ни оборудования – ничего.

Это был 1999 год. А что предшествовало образованию факультета? Какова история психологии в Новосибирском университете?

Почему факультет психологии возникает здесь гораздо позже, чем в других вузах Новосибирска, и позже, чем в большинстве классических университетов?

Первые упоминания о психологии и психологах в НГУ относятся к 1971 г. В университетском архиве удалось обнаружить следы деятельности психологов.

«В планах Министерств высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР на 1971–1975 гг. предусматривалось развитие научно-исследовательской работы вузов по ряду актуальных проблем высшего и среднего специального образования. Соответствующие исследования, проводившиеся в НГУ в течение 1971–1975 гг., были преимущественно ориентированы на психологический аспект указанной проблематики. Выбор этого аспекта определился как спецификой внутренних задач НГУ (включая физико-математическую школу), так и наиболее слабой разработанностью именно психологической стороны общих проблем высшей и средней школы.

Психологические исследования в НГУ и ФМШ охватывали следующие направления.

1. Психологический аспект отбора в физико-математическую школу при НГУ и на отдельные факультеты НГУ.

2. Выявление психологических характеристик обучаемости. Прогноз успешности обучения в ФМШ и НГУ на основании комплексных оценок, включающих психологические, педагогические, социологические параметры. Сопоставление прогностичности разных оценок, включая оценку развития интеллекта с учетом особенностей. Изучение взаимосвязи использования полученных результатов на разных этапах отбора в ФМШ и НГУ.

3. Изучение интеллектуального развития учащихся ФМШ и студентов нескольких факультетов НГУ с привлечением комплексных методов дифференциально-психологического исследования личности по следующим параметрам: психомоторика, нейродинамика, перцептивные процессы, мотивация и др. Определение связи этих характеристик с успешностью обучения.

4. Выявление особенностей процесса психологической адаптации ученика ФМШ и студента НГУ к новым условиям жизни и новым формам обучения.

5. Теоретическая, методологическая и практическая подготовка к созданию квали-

фицированной психологической службы в НГУ и ФМШ, диапазон действий которой должен включать формы контакта и взаимодействия от традиционно-педагогических до психотерапевтических. Цель такой службы – выявление реальных и потенциальных возможностей человека при целостном многостороннем подходе к оценке личности, проведение реальных мер по наиболее рациональной организации учебного и воспитательного процесса с учетом возрастных, половых и индивидуально-личностных особенностей учащихся и студентов.

6. Углубленное изучение личностных характеристик студентов и учащихся ФМШ в связи с проблемой индивидуальной организации умственного труда, а также с учетом необходимости использования психологических подходов в процессе нравственного воспитания и при формировании мировоззрения студентов.

7. Ежегодное полное обследование уровня интеллектуального развития учащихся Летних физико-математических школ при НГУ. Выработка процедуры комплексной многомерной оценки результатов пребывания ученика в Летней школе, учета разных сторон этой оценки при отборе в ФМШ. Поиск наиболее оптимальной системы обработки и корреляции таких оценок в условиях дефицита времени.

8. Исследование возможностей ретроспективного анализа «индивидуального пути в науку» выпускников ФМШ и НГУ, наиболее успешно работающих в институтах СО АН.

9. Работа в рамках изложенной проблематики потребовала проведения серьезных предварительных исследований в плане поиска, отбора и практического опробования специальных психологических и психофизиологических методик. Оценка их эффективности и возможности использования определялись с всесторонним учетом специфики конкретных задач исследования. В связи с этим проблемы адаптации и стандартизации тестовых психологических методик с использованием математических методов анализа оформились в самостоятельное направление исследования.

10. Установление согласованного взаимодействия и поиск конкретных форм такого взаимодействия между психологами и специалистами по отдельным дисциплинам (физика, математика, химия и др.) – особен-

но на всех рабочих этапах физико-математической олимпиады.

К настоящему времени всеми перечисленными направлениями работы группы психологических исследований НГУ охвачено около 4000 человек-учащихся, участников физико-математических олимпиад, студентов и выпускников ННГУ, учеников разных школ города, испытуемых контрольных групп и др.

Конкретные формы работы группы психологических исследований НГУ, содержащие разные этапы исследования и некоторые результаты, изложены в отчетах по каждому году работы» [Отчет..., 1976. С. 42–44].

Итак, в 1971 г. в НГУ появляются психологи. Это не случайная дата. Со второй половины 1960-х гг. в Советском Союзе создаются благоприятные условия для развития психологической науки. «Этот период в истории советской психологии характеризуется активным включением психологии в решение практических задач, расширением исследовательского проблемного поля и ростом прикладной ориентированности проводимых исследований, формированием новых научных направлений и усилением связи с другими науками, развитием комплексного подхода в познании психической реальности и разработкой системной методологии психологических исследований, укреплением организационной и материально-технической базы психологии, постановкой новых теоретических проблем и разработкой категориально-понятийного аппарата психологии» [Психологическая наука в России..., 1997. С. 130–131]. В 1966 г. образуются факультеты психологии в Московском и Ленинградском университетах и в 1971 г. появляются первые выпускники.

Первые выпускники факультетов психологии в 1971 г. разъезжают по стране, полные энтузиазма и готовые к серьезной профессиональной деятельности. Анализируя образовательные программы того периода, неизбежно приходим к выводу, что подготовка психологов имела преимущественно теоретический характер. Это было связано с состоянием дел в психологии. 1960–1970-е годы – это время бурных теоретико-методологических дискуссий о природе и структуре психического, соотношении сознания и бессознательного, роли

врожденного и приобретенного в развитии психики, о предмете психологии и т. д.

К основным достижениям теоретической психологии того времени можно отнести разработку системы методологических принципов психологии; формулирование предмета психологической науки; выявление и формулировку основных законов и закономерностей психической деятельности; систематизацию и уточнение категориального аппарата психологии. Безусловно, все выше названное имеет непосредственное отношение к оформлению психологии в науку и к завоеванию ею особого места среди других наук.

Стремительно развивается исследовательская деятельность в области психологии. Расширяется проблемное поле психологической науки. Растут и становятся более глубокими междисциплинарные связи как внутри психологии, так и с другими науками. Психологические исследования приобретают практическую направленность; их проблематика учитывает достижения научно-технического прогресса; приходит время комплексных исследований в психологии. Это тенденции развития психологических исследований в 1960–1980-е гг.

Предметом психологического анализа выступают в этот период все уровни организации человека – начиная с природных оснований и заканчивая субъектно-личностным уровнем и уровнем индивидуальности. В это время утверждается идея, что ни одно психическое явление не существует изолированно от остальных и от человека в целом, поэтому, анализируя любые, даже элементарные проявления психического, необходимо рассматривать их в общей единой системе человека как субъекта деятельности, познания, общения.

Большое внимание в этот период уделяется исследованию природных основ психики. Возникает и успешно развивается школа Б. М. Теплова и В. Д. Небылицына, анализирующая основы индивидуально-психологических различий; продолжает успешно развиваться нейропсихология, вдохновляемая идеями А. Р. Лурии, формируется школа В. С. Мерлина, направившая свои усилия на изучение темперамента; успешно работает направление исследования психофизиологических механизмов высших психических функций, возглавляемое Е. И. Бойко; П. К. Анохин, автор теории функциональ-

ных систем, обосновывает идею о системной организации поведения, Е. Н. Соколов изучает нейронные механизмы психических процессов и состояний; Н. А. Бернштейн развивает идеи физиологии активности.

Разрабатываются проблемы познавательной деятельности человека. Идет изучение психики как на онтогенетическом, так и на филогенетическом уровнях. Фундаментальный вклад в разработку проблемы генезиса психических явлений вносит А. Н. Леонтьев. Детальное изучение ощущений и исследование сенсорной организации человека в целом происходит в школе Б. Г. Ананьева; проблема порога чувствительности становится темой многочисленных работ К. В. Бардина, Б. Ф. Ломова, Ю. М. Забродина. Огромное количество работ посвящено исследованию восприятия (В. Д. Глезер, Б. Ф. Ломов, Л. А. Венгер, Н. Ю. Вергилес, В. П. Зинченко, А. В. Запорожец, Л. М. Веккер, В. А. Барабанщиков и др.). Многочисленными являются также исследования в области психологии памяти (Г. К. Середя, А. А. Смирнов, В. Я. Ляудис и др.) и мышления (Я. А. Пономарев, В. Н. Пушкин, К. А. Славская, А. Н. Соколов, О. К. Тихомиров, А. В. Брушлинский и др.), под руководством Б. Ф. Ломова начинается разработка общепсихологических аспектов проблемы общения.

В 1960–1980-е гг. бурно развиваются инженерная психология (в Ленинградском университете создается первая лаборатория инженерной психологии); космическая психология; возобновляются исследования в социальной психологии, она выделяется в самостоятельную отрасль психологической науки, и одновременно внутри нее возникают, а несколько позже отпочковываются психология управления, политическая психология, этнопсихология и т. д.; появляется новое направление – психология научного творчества; успешно развиваются сравнительная и зоопсихология, патопсихология, специальная психология, психология аномального развития, военная и юридическая психология, педагогическая психология, история психологии, психология спорта. Интересно изучаются проблемы психологии взрослого человека, развиваются акмеология и геронтология.

В этот период формируются тенденции интеграции психологических исследований, в психологии развивается комплексный и сис-

темный подходы к человеку. Б. Г. Ананьев ставит задачу создания единого фундаментального учения о человеке, синтезирующего итоги и достижения различных наук в комплексном изучении человека. Ананьев предлагает систему основных характеристик человека: «индивид – личность – субъект деятельности – индивидуальность», где индивидуальность является высшим уровнем развития личности, вершиной самовыражения человека. Индивидуальность человека необходимо рассматривать как «единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека-индивида» [Ананьев, 2001. С. 280]. Ананьев создает и развивает онтопсихологию как учение об индивидуальном развитии человека, имея в виду развитие всех его аспектов. Выявляются закономерности онтогенеза человека в ходе его жизненного пути, анализируются проблемы полового диморфизма, билатерального регулирования психической активности, возрастно-половых различий в соотношении с нейродинамическими свойствами человека и типическими особенностями нервной системы в разные периоды жизни, изучается динамика психофизиологических и психических функций человека в ходе его онтогенетического развития. Среди проблем развития личности особо подчеркивается роль социального статуса, социальной ситуации развития, структуры характера человека, его склонностей и системы ценностно-мотивационных предпочтений.

Методологической базой отечественной психологической науки становится разрабатываемый Б. Ф. Ломовым системный подход. Ломов приветствует развитие разнообразных теоретико-эмпирических взглядов, что работает на утверждение плюрализма в психологии.

Постепенно возрастает социальный статус психологической науки в обществе, укрепляется ее авторитет. В 1971 г. создается Институт психологии АН СССР – первое в системе Академии Наук СССР специализированное научно-исследовательское учреждение, призванное заниматься разработкой фундаментальных проблем психологической науки и в качестве головной организации координировать психологические исследования. В 1980 г. начинает издаваться

«Психологический журнал», в котором обсуждаются актуальные психологические проблемы, что способствует коммуникации между представителями психологического сообщества. Создаются учреждения, ориентированные на комплексное изучение человека – это Институт человека АН СССР в Москве и Институт комплексных социальных исследований в Ленинграде.

Таково, кратко, положение дел в отечественной психологии 1960–1980-х гг. Хотелось бы обратить внимание на прорыв в методологии науки, на появление и расцвет серьезных ученых, уже очень известных, и на появление и развитие новых организационных форм, способствующих развитию психологии. Но это – ситуация в Москве и Ленинграде. Обратимся к Новосибирску.

Из воспоминаний Л. В. Меньшиковой, доктора психологических наук, профессора кафедры психологии и педагогики НГТУ:

«В 1971 году был первый выпуск психологов в стране, факультетских уже. До этого в ленинградском университете было просто отделение психологии на философском факультете, и там готовились психологи, но скорее с теоретической подготовкой. В 1966 году возник факультет, и я как раз из первого выпуска. Наш учитель, глава ленинградской психологической школы, Борис Герасимович Ананьев был тогда очень заинтересован в создании психологических служб в стране. И мы были первыми психологами с хорошей экспериментальной и практической подготовкой для работы с людьми, владели методами психодиагностического исследования, психологической коррекции, консультирования. И вот в 71 году, как раз когда был первый выпуск, большая ставка делалась на создание таких маленьких групп, которые будут направлены в разные концы нашей страны для создания психологической службы. Борис Герасимович настаивал на том, чтобы не один человек запрашивался, а группа. Почему? Потому что это нужно было, во-первых, для выживания – какое-то количество психологов в инородной среде, и, во-вторых, необходим какой-то климат научный, общение специалистов между собой. И поэтому он настаивал, что три человека, не менее. И вот несколько таких групп из нашего выпуска приехали в Сибирь: в Томский университет 3 человека планировалось, но реально поехали 2 человека – это Кабрин Валерий

Иванович, который там сейчас зав. кафедрой, бывший декан факультета психологии Томского университета и Холодная Марина Александровна, сейчас известный специалист, она работает в области психологии интеллекта, в Институте психологии в Москве, в РАН.

В Новосибирск поехали 3 человека. Впервые перед поездкой был направлен один человек из нас – Тютюнник Евгения Ивановна, моя однокурсница, которая должна была посмотреть, есть ли тут условия для работы психолога, для того чтобы заниматься постановкой психологической службы. Вот она приехала, посмотрела, что действительно, вуз был очень современный: в то время НЭТИ, электротехнический институт назывался он, очень хорошая была атмосфера между преподавателями, которые ждали, нуждались в помощи психологов. Здесь до нашего приезда был единственный, по крайней мере в Новосибирске, институт на общественных началах, который занимался научной организацией учебного процесса, и как раз актив этого института, они за это ничего не получали, они просто вели семинары, раздавали?.. какие-то методики обучения, наши преподаватели. И именно они поехали сначала в Москву, а потом в Петербург, чтобы пригласить психологов. Побывав в Москве, там им не очень понравилось, почему? Потому что там не было такой экспериментальной подготовки. Теоретическая очень сильная подготовка была, а вот в плане методов психодиагностики... В те времена, в первом, по крайней мере, выпуске, они как бы отставали от нас, от ленинградского факультета. И когда они приехали в Ленинград, там их очень хорошо встретил Борис Герасимович Ананьев, и они поняли, что отсюда надо заказывать специалистов. Получился хороший диалог, там как раз обсуждались первые программы исследований, задачи исследований. Ну и вот тогда мы втроем приехали сюда. Были встречены очень хорошо, имели поддержку, и сразу окунулись прямо вот в такую, какую-то готовую среду научных исканий педагогических, поисков, обсуждений. И для нас это было очень полезно, потому что мы – психологи, а они как практики давали нам очень много для развития, и мы им тоже. Получался очень хороший такой, взаимно обогащающий научный контакт с нашими преподавателями НЭТИ».

Итак, в 1971 г. в Новосибирске появляются первые профессиональные психологи. Они полны энтузиазма, у них замечательная профессиональная подготовка – и, что немаловажно, их готовы принять на местах, так как в обществе начинает вызревать потребность в психологах и их услугах.

Это – с одной стороны, а с другой – и в то время, и значительно позже – психология смешивается с психиатрией, и мало кто из не-психологов понимает, что такое психология и зачем она нужна. Можно сказать, что интерес к психологии начинает проклевываться, но это – интерес к чему-то не совсем понятному, но притягательному.

В новосибирском Академгородке работают интереснейшие люди, профессионалы высочайшего уровня в своем деле, но одновременно эти люди обладают большим кругозором и широкой сферой интересов. Профессиональных психологов здесь пока нет, но психология не может оказаться абсолютно за пределами этих интересов.

Рассказывает Лев Фадеевич Лисс:

«Я могу рассказать о том, как могла появиться психология в НГУ. А вот что в сфере психологии делалось – это уже вопрос не ко мне.

Что касается нашей лаборатории социологических исследований: она возникла в конце шестидесятых годов и занималась студенческой социологией. Это были мои интересы и интересы тогдашнего ректора. Где-то в конце 60-х годов, точно я уже не помню. Наш ректор тогдашний – Спартак Тимофеевич Беляев, которому наши разработки непосредственно шли, и вместе с ним мы это обсуждали, ему это было интересно. И, приехав из Америки, он как-то поставил такой вопрос: что американцы очень сильно занимаются тестами, ну и вообще во всем мире занимаются тестами. А у нас в России тестами не занимаются. И не худо бы понять: тесты – это серьезно или несерьезно. Так вот, где-то в это же время журнал “Знание – сила” опубликовал для развлечения тест Айзенка. И был у нас еще до меня, собственно с него у нас социология в Городке и начиналась, а может, и в самом Новосибирске, экономист, приехавший в хозрасчетную экономико-математическую лабораторию из Москвы – Владимир Николаевич Шубкин, и он внутри этого подразделения начал заниматься социологическими исследованиями, он еще в Москве начал разворачивать ис-

следование жизненных планов молодежи. А где-то уже в конце 60-х, при Беляеве, он отследил этот айзенковский тест и предложил мне попробовать провести этот тест в какой-нибудь большой аудитории. Я об этом спросил разрешения ректора, это было летом, и мы это первое большое исследование IQ провели на учениках летней школы ФМШ. Провели, обсчитали и увидели общие результаты: там ребята прекрасно ранжировались этим тестом. Мы решили, что стоит сравнить их по этому же тесту с выпускниками других школ. И, когда начался учебный год, мы провели по этому же тесту 2 десятых класса 130-й школы и договорились с одной из школ в городе Новосибирске, в рабочем районе, на площади Ефремова, тоже там провели этот же тест. Естественно, мы получили совершенно ожидаемые результаты: если брать средний результат, после летней школы шли ученики 130-й, а внизу шла средняя школа рабочего района. Но тут есть еще одно, на самом деле: беда заключается в том, что в 10-х классах выбранной нами школы почти мальчиков не было. Все хорошие мальчики уходили в техникумы, особенно способные, у которых, наверное, был неплохой IQ. А девушкам, кроме медучилища и педучилища, уходить было некуда, и они досиживали до 10-го класса. Естественно, весь этот IQ оказался внизу, потому что носители хороших, если они были, уже сидели где-нибудь там в авиационном техникуме, машиностроительном, который на той же площади был. И в то же время персональный IQ распределился тоже очень интересно: у нас самый высокий балл показал мальчик, у которого была смешанная семья: отец – армянин, мать – еврейка. Это, собственно говоря, самая первая психологическая, наверное, работа, связанная с измерением интеллекта, очень так ученически выполненная.

И вот последовала эта просьба от ректора, насчет тестов, и я начал читать литературу, здесь, в Москве – нашу отечественную литературу, которая была до того, как было принято постановление о педологических извращениях в системе Наркомпроса в 30-е годы, когда работа по интеллекту была практически свернута, ну и многое другое тоже. И просмотрел те учебники которые там были американские по этому поводу, и так составил себе мнение о том,

как к тому времени развивалось представление об интеллекте. И здесь, в ГПНТБ, я наткнулся на французскую книжку, где рассказывалось о том, как французы адаптировали американский тест. Еще у меня была литература. Основные элементы этого IQ я понял. И понял главное для себя: нельзя просто так использовать тест, созданный в другой культуре, его требуется адаптировать. Тесты составляются серьезными людьми. Теперь дальнейшие шаги. Французы адаптировали этот тест американский на выборке, отражающей французское общество, в 27 000 человек. Для меня это почему было важно? Потому что после того, как перестали запрещать тесты, очень много людей как всегда возникает несостоявшихся в каком-то труде, как Остап Бендер, пролезают в эту дырку, где появляются деньги и, может быть, возможность самореализоваться, потому что кажется, что это страшно просто – взял американский тест и отправился.

Может быть, эта наша первая работа с Айзенком подтолкнула Спартака Тимофеевича к тому, чтобы проверить, так сказать, что люди по этому поводу думают и насколько это серьезно. Я такую работу проделал. Где? В Москве! Я там дважды по полгода был на факультете повышения квалификации МГУ, который я в свое время заканчивал. В это время я уже был тесно связан не только с Шубкиным, но и с другими социологами, которые начали появляться, по другой проблематике, в ряде таких общесоюзных социологических исследований участвовал. А в Москве, опять же через Шубкина, он начал работать в институте социологии, который только в Москве образовался, в конце 60-х что ли. И там через социологов московских, которые были знакомы с какими-нибудь психологами, начал выходить на психологов, чья работа была связана с измерением интеллекта. И разговаривать с этими людьми мне помогло то, что я уже к этому времени представлял, что такое интеллект, по тому времени, что такое тесты, измерения интеллекта. И вот как раз адаптация чужого теста была для меня контрольной позицией по отношению к тому, с кем я имею дело – с серьезным человеком или с обыкновенным мошенником. В Москве я поговорил с целой серией людей. Одни просто говорили: “Ну, будут деньги – у меня есть американский тест, и мы там прове-

дем у вас исследование”. Все становилось понятно. Говорил я и с такой личностью, фамилия которого Платонов, который являлся в советское время достаточно известным психологом. Он с гордостью мне сообщил, что в 20-е годы сам закрывал педологические лаборатории и открывал физиологические лаборатории. Я думаю, что вы понимаете, что это все-таки разные вещи. И вот таким образом я вышел на две лаборатории. Одна лаборатория – это лаборатория в Московском Институте физкультуры, психологическая лаборатория, она не только интеллектом занималась. Заведовала этой лабораторией некая, тогда еще молодая, очень красивая и умная дама по фамилии Собчик. Мы с ней сговорились о встрече, она тогда занималась ММРІ, они адаптировали его, но как... На очень маленькой совокупности, на ста человеках. И прежде чем со мной разговаривать, она мне дала эти карточки, эмэмпиаевские, 576 что ли карточек этот полный ММРІ имеет. Я отбросил эти карточки направо и налево, потом она мне рассказала, что я собой представляю. Это было достаточно интересно, потому что все, что я собой представляю, она рассказала. Рассказала одновременно и о трудностях адаптации этих фраз. Значит, проблема заключается не в том, чтобы просто перевести, а найти адекватные американским русские фразы. Чтобы не просто грамматически не корежило ухо человека, а соотносилось с культурой и русской историей.

То есть, что опять-таки подтвердило проблемы, связанные с применением тестов, созданных в чужой культуре. И одновременно она рассказала, что есть еще одна адаптация ММРІ, которая была создана в Ленинграде академиком Бехтеревой. Они пытались очень сблизить эти две адаптации, и тоже на совокупности в сто человек. Ну в принципе, можно, конечно, использовать и такой... это уже не перевод, но и не адаптация французского типа. Вот это одна лаборатория, где на самом деле серьезно занимались и относились к этому серьезно.

Они занимались не только измерением интеллекта. Потом я походил к ней на курсы по ММРІ, поскольку был там шесть месяцев, она как раз читала психологам, которые уже использовали по стране в медицинских ли целях или каких-то других. У нее, кстати, была маленькая брошюра издана этим же

институтом Лесгафта, в которой этот ММРП разьясняялся. Что касается американцев, то у них там достаточно много литературы и даже есть на студентах, они ранжируются этим тестом, в общем, у американцев много информации.

Следующая лаборатория, на которую я вышел – это была лаборатория в центральном госпитале военно-воздушных сил в Сокольниках. Ею заведовал полковник, медицинской или, черт знает, какой службы. Они тоже занимались исследованием интеллекта и исследованием личности. С помощью тестов. Потому что никаких других способов нет. И на мой вопрос, для чего им это нужно, он ответил прямо и откровенно: “Стратегический бомбардировщик с атомными бомбами работает 24 часа в сутки, 2 экипажа. Надо их подобрать таким образом, чтобы они не передрались, бомбу не сбросили”. Вот это военно-воздушные силы. Теперь мы знаем, что тесты употреблялись и в звездном городке, при подборе космонавтов. Просто других методов нет.

Еще было у меня такое посещение института судебной экспертизы имени Сербского, психиатрического, который должен дать ответ “вменяем – не вменяем” преступник. Был там такой древний старичок еще из тех аборигенов 20-х годов, мы с ним поговорили, пообещал он мне выкопать на чердаке старые тесты... Вот до сих пор выкапывает...

Короче говоря, я мог дать ответ, что тесты – это серьезно. И если заниматься этими тестами, то надо заниматься серьезно.

И одновременно у меня были социологические дела, потом у нас было исследование, это уже ближе к концу 70-х годов, все-союзное исследование, социологическое, студенчества. Во время этих исследований мы контактировали с эстонцами из Тарту. Они тоже занимались выявлением жизненных планов молодежи. А там было подразделение в Тарту, которое педагогическими проблемами занималось высшей школы. И в разговоре там выяснилось, что у них есть человек, который интересуется измерением интеллекта, контактирует с немцами... Прибалты, они вообще сохранили связи с Западом, они были более свободны, чем россияне в самых разных зарубежных контактах. И они перевели тест, который был создан в Германии. Я за этот тест ухватился, исходя из того, что немецкая культура нам

ближе, коль скоро немцы Русь-Матушку не один год воспитывали в своей культуре. И они мне подарили свой перевод этого теста. Это был тест Амтхауэра. К этому времени я уже мог ответить ректору, что тесты – это серьезно, и узнал, как их делают там, на Западе, и так далее. А Амтхауэр... я долго искал... во-первых, в Ленинке оказалась его очень маленькая книжка на немецком языке, который я в школе изучал когда-то, в которой приводились результаты некоторого исследования по этому тесту, и показывалось как в среднем различаются по интеллекту разные профессиональные группы. И одновременно я наткнулся в немецких ежегодниках, на то, что есть еще длинная статья Амтхауэра в каком-то немецком издании, в ФРГ опубликованная. В Ленинке приняли мой заказ, и где-то через месяц немцы прислали ксерокопию этой статьи. Подарили нам. Мне она в конечном итоге досталась. И одновременно я нашел в немецком ежегоднике, кто же такой Амтхауэр. Дело в том, что в американских изданиях, которые я читал, уже упоминалось вскользь, что есть такой тест Амтхауэра, а кто такой Амтхауэр, не упоминалось. Установил, что Амтхауэр – психолог на какой-то фабрике, выпускающей красители. Вот этот психолог создал тест, тест карандаша и бумаги. Потом, когда у нас уже этим стал заниматься другой человек, она вышла на Генштаб, и оказалось, что там у них есть уже этот тест, и они страшно удивились, откуда, собственно говоря, мы этот тест взяли. В тот период времени, это была приблизительно середина 70-х, должны были в Бундестаге пройти слушания, чтобы этот тест сделать национальным. Дальнейшее этого теста мне неизвестно.

Когда у меня появился этот тест, его, естественно, тоже нужно было на чем-то проэкспериментировать. Но, прежде всего, его надо было привести в божеский вид. Эстонцы перевели его на русский, можно себе представить, как они перевели его на русский! Немецкого текста то ли у них у самих уже не было, то ли они дать его не хотели, то ли я не спросил – уж я не знаю, почему. И вообще, во всех тестах на интеллект есть лингвистические части – и возникает лингвистическая проблема, как эти фразы составлять по аналогии. И тогда я начал искать, кто бы мог нам в этом отношении помочь. И узнал у наших филологов, что у

них была студентка, которая писала диплом по психолингвистике. Тогда вот начиналась такая наука на стыке психологии и лингвистики. Она писала свои работы, наблюдая за тем, как начинается речь у малышек, своего собственного и детишек ее окружения. Окружение это естественно академгородковское, интеллигентское. Вот она была замужем за физиком в ИЯФе, нашим выпускником по фамилии Захаров, теперь он академик, теоретик. Ну и вращалась вот в этой среде академической, где ребяташки были эти академические, наблюдая за ними и за тем, как вот дети начинают овладевать речью, она и написала такую психолингвистическую работу. Она согласилась поучаствовать в наших тестовых делах, ректор дал нам добро на то, чтобы привлечь к этой работе, там на каких-то условиях, на каких уж я не помню, потому что кто-то же платить должен, никто же даром не работает. И вот таким образом у нас, ну если не психолог, то появился человек, близкий к психологии. Это Александра Владимировна Захарова. Она пришла где-нибудь в середине 70-х годов.

Короче говоря, мы сделали из этого Амтхауэра более или менее удобочитаемую вещь, как-то с ним поработали. Естественно, ключа к Амтхауэру у нас не было, не было его и у эстонцев. Мы просто смотрели, правильно – неправильно. И просто считали общий балл правильных и неправильных ответов. Вот таким образом мы пришли к психологии. И дальше я от этого дела отошел, сказал ректору, что этим либо нужно заниматься специально, а у меня уже есть две специальности. Сам я историк по образованию высшему и где-то там с какого-то 64-го, наверное, года начал преподавать на гуманитарном факультете, на историческом отделении, и увлекся социологией, вот занялся в научном плане социологическими и историко-социологическими проблемами высшей школы. А вот еще третью приобретать специальность, психологию – это уже слишком. К тому же я был вынужден более так пристально с общей психологией познакомиться, когда занимался диссертацией. Диссертация шла на психологическом материале, она была связана с факторами, которые влияют на выбор профессии, а здесь мне пришлось входить в проблему способностей и во многое другое. Так что пришлось тогда осилить очень толстый том Ру-

бинштейна. Вот этот самый гигантский том, кирпич. И до сих пор не могу понять, то ли это мужчина, то ли женщина. Ну, наверное, тогда все-таки разобрался. В общем, пришлось влезать в психологию, и не только вот в такую, общую, а и в психологию личности, и в Леонтьева пришлось влезать. И тогда были некоторые исследования по школьникам, интересные очень, как раз связанные со способностями, в результате которых было выяснено, что подростки ориентируются не на тех, кто слишком далеко от них по способностям, а на ближайших к ним, поскольку интуитивно понимают, что до тех им все равно не достать. Но это можно и на студенческой среде наблюдать, когда студенты, у которых такие, достаточно, по отношению к ведущим в группе лидерам, слабые способности, они просто сами себя забывают: уходят в молчанку, стесняются выступать на семинарах и т. д. Хотя, в общем-то, могли бы и развить, раз уж они к нам поступили, значит они способны.

То есть, мне пришлось познакомиться и с психологией, и с генетикой человека, но дальше я в эту психологию не пошел. И дальше уже, по заданию ректора, на него работала Саша Захарова. В чем-то я ей помогал, что-то мы вот в этой комнате с ней много обсуждали. Но что обсуждали, я вам уже сказать не могу. Могу только сказать, что она начинала здесь уже более или менее квалифицированную психологию. Потому что, с одной стороны, ей, все равно занимаясь психолингвистикой, пришлось познакомиться с психологией. А так как тогдашнюю психологию, советскую, во всяком случае, можно было очень быстро прочитать, это сейчас тьма переводной литературы, полки в магазинах забиты. А тогда надо было ехать в Москву и читать на английском, французском и т. д. Ну кого-то издавали, Пиаже... и то, по-моему, позднее».

Совсем не удивительно, что первые упоминания о психологии в НГУ связаны с темой интеллекта и его измерением. Вряд ли что-то иное в человеке могло интриговать математиков, физиков, химиков, биологов в большей степени, чем интеллектуальные способности, очень востребованные и чрезвычайно высоко оцененные. И еще: возникает вопрос, возможно ли было в принципе зарождение психологии и ее развитие в Новосибирском университете, имеющем великолепную научную базу в лице институтов

Сибирского отделения АН СССР? Ведь у психологии здесь не было ни базы, ни профессиональных психологов: вчерашняя студентка – непсихолог возглавляет группу психологических исследований в университете! При этом невозможно не выразить глубочайшее уважение интересам и энтузиазму тогдашнего ректора – все-таки он понимал необходимость психологии и видел реальные проблемы и задачи, которыми должна была и могла заниматься психология. Я имею в виду идею Спартак Тимофеевича о необходимости лонгитюдного исследования учащихся ФМШ, затем студентов НГУ, а позже сотрудников институтов Академгородка, где в основном работали выпускники НГУ.

Из интервью с Надеждой Ивановной Борисовой:

Надежда Ивановна, расскажите, как Вы оказались в группе психологов НГУ? Почему приехали из Ленинграда в Новосибирск?

«В ЛГУ приехала Александра Захарова. Ей нужны были психологи для проведения исследований. До этого она объездила четыре университета, которые в те годы выпускали психологов, и остановила свой выбор на факультете психологии ЛГУ.

Александра Владимировна начала сотрудничать с Лабораторией дифференциальной психологии, которой долгие годы руководил Б. Г. Ананьев. Обсудив, что именно планируется в НГУ, Галина Ивановна Акинщикова (мой научный руководитель) и Нина Альбертовна Розе посоветовали Захаровой взять нас (меня и Татьяну Червякову). Мы были «детьми лаборатории», постоянно там находились, делали определенную работу, дипломные исследования.

Если точнее, то Татьяна хотела в Новосибирск, у нее там была подруга, которая рассказывала, как хорошо в Новосибирске, «рисовала» такие «картины», что Академгородок – это прямо Мекка какая-то. А я и не хотела в городок, я вообще не думала о том, где буду работать, поэтому Галина Ивановна за меня решила. Тогда ведь было строгое распределение... У меня дипломное исследование выходило на кандидатскую, и я думала, что год проживу в Новосибирске, а потому поеду в Питер в аспирантуру. А вот как получилось: планировала прожить здесь год, а живу уже много лет...

С Захаровой мы познакомились в Питере, но как-то мельком, чуть ли не на лестнице Галина Ивановна нас представила, так что подробно о содержании своей работы я узнала уже в Новосибирске.

В августе 1974 года я приехала в Новосибирск и устроилась на работу в НГУ, кажется, первая моя должность была стажер, или стажер-исследователь».

С чего начались психологические исследования в НГУ? Какие цели ставили перед собой первые психологи? Какие были направления работы?

«Идея тогдашнего ректора НГУ Спартак Тимофеевича Беляева была очень интересная: лонгитюдное исследование выпускников ФМШ (со школьного возраста и до зрелости). Был замысел организовать лонгитюдное исследование, проследить судьбу и развитие талантливых подростков, молодых людей. Сначала ребят, поступающих в ФМШ, потом учеников ФМШ, потом студентов университета, а потом, ведь, многие остаются в городке. Стоял вопрос: что происходит с «фымышатами», после поступления в университет. Ведь многие из них не доходят даже до первой сессии, они перестают учиться, уходят из университета.

Кроме этого, олимпиадных результатов при приеме в ФМШ почему-то оказалось недостаточно. И психологи тестировали поступающих ребят. Тест Векслера не подошел, потому что он требует индивидуальной работы, и мы использовали тест Амтхауэра. Хотя, я думаю, что олимпиадные результаты серьезнее, чем данные тестирования. Да и преподаватели ФМШ и профессура университета по-разному относились к тестам интеллекта и к их результатам...»

Чем Вы непосредственно занимались? С кем сотрудничали?

«Моя задача была участвовать в проведении олимпиад. Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия. На областные и республиканские олимпиады ездили стажеры-исследователи (это выпускники университета, которые планировали в последующем поступать в аспирантуру). Психолог присоединялся к стажерам и проводил диагностику (тест Амтхауэра). Мы диагностировали сотни человек, это огромный массив данных! Результаты теста мы коррелировали с данными олимпиады, получались достаточно значимые связи.

Данных было очень много, результаты обрабатывались вручную. Было трудно, нужны были руки, нужны были сотрудники. Так к нам попала Руашана Альдекова, потом пришел Александр Галин.»

Скажите, с кем (с какими институтами, университетами) сотрудничал Университет в области психологии? В чем заключалось сотрудничество?

«Прежде всего, была связь с ЛГУ, с лабораторией дифференциальной психологии. Акинщикова Галина Ивановна несколько раз приезжала к нам, курировала исследование, помогала. Питерская помощь особая, конструктивная.

Когда умер Б. Г. Ананьев, на факультете психологии было какое-то замешательство, неразбериха, и Акинщикова искала место, где можно было воссоздать школу Б. Г. Ананьева. Предполагалось, что в Новосибирск переберутся питерские исследователи, и будет организовано продолжение школы Ананьева. Здесь мог бы быть Ананьевский институт.»

С кем в университете сотрудничала группа психологов?

«Сотрудничали с лабораторией Льва Фадеевича Лисса, мы вместе с его лабораторией в ходили в такую структуру – НИС. Подчинялись мы непосредственно ректору Спартаку Тимофеевичу Беляеву.»

Что из задуманного не реализовалось? Почему?

«Лонгитюд – это самый многотрудный вид исследования, и поэтому практически не реализуем. Замах был, а сил, опыта, знаний не хватило...

Если бы мы были постарше, и более опытные... Такое исследование могло быть у Ананьева, для такого исследования надо быть академиком (звание, имя, опыт), а не выпускником, только что состоявшимся.

Нужна школа, которая готовит. Школа – это атмосфера, это учитель, это научная семья, в которой есть все возраста и ты в ней варишься. Обучение психологии – это что-то среднее между обучением академической науке и творческой мастерской, там есть Мастер! У Ананьева это было.

Выпускники ЛГУ, наши сокурсники, и те, кто выпустился позже, в других городах продвинулись, центры консультационные открыли, а у нас была только попытка... И статусно в Новосибирске у многих ничего не произошло, как холостой выстрел... А приезжали далеко не самые худшие, со

знанием языков, с хорошей школой. (В Томске, например, Валерий Кабрин, Марина Холодная из первого выпуска. Там в статусном плане благополучие, процент докторов высокий.) Мощь местных обстоятельств оказалась сильнее, чем в других городах...»

Из интервью с Татьяной Червяковой:

«У меня было распределение в НГУ. Все благодаря Александре Владимировне Захаровой.

Я очень хотела поехать работать в Новосибирск. Мне был интересен Академгородок, его атмосфера. До этого зимой ездила на практику в НЭТИ, Новосибирск мне понравился, в городке у меня были друзья, поэтому я стремилась получить распределение в НГУ. Искала всевозможные пути для этого. И накануне распределения Захарова появилась, это было как чудо!

Захарова Александра Владимировна приехала в ЛГУ приглашать психологов для проведения исследований, ей нужны были специалисты практической направленности. Я как раз защищалась у Палея, дипломное исследование имело практический профиль.

Когда я получила распределение – это было для меня подарком! Могу сказать, что распределение в Новосибирск и для меня и для Нади Макаровой – это было хорошо.»

С чего начинались психологические исследования в НГУ? С чем, по Вашему мнению, связано то, что именно в 70-х годах началось продвижение психологических исследований в НГУ?

«До нашего приезда Александра Захарова и Лев Фадеевич Лисс перевели и начали адаптировать тест Амтхауэра. В частности, Захарова занималась тем, что касается языковой части (она филолог, тогда писала кандидатскую). Был запрос на изучение интеллектуальной сферы студентов и абитуриентов. Запрос этот, кстати сказать, шел непосредственно от ректора Спартака Тимофеевича Беляева.

Почему именно тогда встал этот вопрос, и возникла потребность в психологических исследованиях? Развитие психологии не было подготовлено внутренними процессами в университете. Психологов никто не ждал... Думаю, это связано с конкретными личностями. Сначала появились люди. Прежде всего, это Александра Владимировна Захарова, ей были интересны психологические вопросы, в частности, исследование интеллектуальной сферы, ведь именно она

достала тест Амтхауэра. И именно ей удалось убедить ректора в актуальности и практической значимости продвижения психологических исследований.»

В чем заключалась ваша работа как психолога университета?

«Моя работа началась в августе 1974 г. Самое основное – мы тестировали студентов и абитуриентов.

Была летняя физико-математическая школа. С этого мы и начали (я, Надя Макарова и Александра Владимировна Захарова). Мы участвовали в работе отборочной комиссии – результаты теста Амтхауэра были одним из факторов приема школьников.

Тест Амтхауэра проходил адаптацию, мы проверяли, насколько хорошо он работает. Статистики было много, результаты сравнивали с данными других тестов. Данные использовались при отборе школьников в ФМШ, при отборе абитуриентов. На основе результатов диагностики консультировали преподавателей, самих учащихся и студентов.

Мы тестировали всех первокурсников и студентов других курсов ФЕНа, физфака, мехмата, немного экономистов и студентов гуманитарного факультета, сравнивали результаты, смотрели полярности. Амтхауэр был основным инструментом, но использовали батарею тестов. Результаты Амтхауэра сравнивали с данными тестов Векслера, Равена, Кэтелла.

Потом были олимпиады и летние школы не только в Новосибирске, но и в других городах, я, например, ездила проводить диагностику в Иркутск, Омск.

Все результаты подвергались статистической обработке. На втором этаже университета был вычислительный центр (в правом крыле находились мы, психологи, в левом – ВЦ), вместе с сотрудниками ВЦ мы искали программы и способы обработки результатов. Это была очень трудоемкая работа, использовали перфокарты, большой объем выборки. По результатам этой работы вышли две статьи в сборниках университета, первая в 79-м, а вторая, кажется, в 81-м.

Я занималась этими исследованиями с самого начала, продолжала их, когда ушла Надя Макарова, а когда в 77-м году Александра Владимировна уехала в Москву, то я возглавила это направление. По линии университета нас стал курировать Владимир

Павлович Фофанов, а руководителем группы психологов стала я.»

Как называлась Ваша должность? Кем числились психологи в то время?

«Вот, что написано в трудовой книжке. Сначала стажер-исследователь НИСа (научно исследовательский сектор) НГУ, потом инженер НИСа НГУ, и последнее, младший научный сотрудник группы психологических исследований НИСа НГУ.»

Какие направления психологической работы еще велись в университете?

«Разные проекты были. Мы внутри группы разделились.

Одно из направлений – консультирование студентов. Был так называемый «час консультаций». Этим направлением занимался Александр Галин. У него был кабинет в переходе между главным и лабораторным корпусом. Любой студент мог обратиться за психологической помощью, консультацией. Да и преподаватели иногда обращались. Потом к Галину присоединился Толя Ткачев, Галин для него тогда был учителем, наставником... Толю Ткачева в психологию ввел Галин, под его влиянием Толя стал учиться психологии. Галин и Ткачев тесно работали в паре... Потом они разошлись. Интересно, как они сейчас, общаются между собой?

О психоконсультировании и о психотерапевтической работе лучше всего расскажет сам Галин.

Еще психологи вели факультатив по психологии в ФМШ и курс лекций на гуманитарном факультете.

Когда нас курировать стал Фофанов, появился уклон в философию, но философы были не в нашей группе, мы и они были прикреплены к одному подразделению – НИС, поэтому сотрудничали, взаимодействовали. Оля Зиневич занималась вопросами рефлексии, потом начала писать философскую диссертацию.

К нам на зимнюю практику приезжали студенты факультета психологии ЛГУ, мы их курировали, занимались с ними.

Сотрудничали с НЭТИ, с Ларисой Меньшиковой, но совсем недолго.

Велась работа по повышению квалификации. При Фофанове, например, я ездила в Москву в Институт психологии.

Будучи руководителем группы психологов университета, я работала в центре под-

готовки космонавтов при Институте психологии в Москве. Исследования проводились 3 года (с 77-го по 80-й гг.). Основное финансирование группы психологов университета в то время шло именно от программы ЦПК.

Как я туда попала? Захарова Александра Владимировна пригласила, она уехала в Москву, но о нас не забывала, заботилась, продолжала опекать.

Что мы там делали??? Хм... Тематика исследований в то время была закрытая. Коллектив очень большой, много исследователей, и широкий круг исследовательских вопросов решался. Могу сказать, что я работала с тестом Кэтелла, и очень много с цветовым тестом Люшера. Мы ездили в Грузию, проводили психофизиологические исследования, смотрели разные ситуации, с разными нагрузками.»

Как можно охарактеризовать атмосферу в группе психологов?

«Атмосфера была замечательная. Главное было быть самостоятельным исследователем. Режим работы был свободный, сами выбирали, что делать. Мы искали, чем заняться. Яркого запроса изнутри не было, все шло от Захаровой. Нам нужно было себя предлагать, разрабатывать идеи, исследования».

Итак, вчерашние студенты оказываются в ситуации отсутствия подлинного научного и организационного руководства, отсутствия научной школы и базы для проведения исследований, но у них прекрасная подготовка и море энтузиазма. Можно сказать, что школа, принадлежность к которой они чувствуют, у них тоже есть, это школа комплексного изучения человека – школа Ананьева. Но школа – это единомышленники, в том числе, более опытные, это Учитель, это атмосфера. В городке, в университете развиваются совсем другие направления, причем они имеют серьезные исследовательские базы, научные школы, за которыми стоят имена больших ученых – и очень трудно в этих условиях создавать нечто новое, что по своей значимости и уровню вписалось бы в существующий контекст университетской жизни. Еще один важный, на мой взгляд, момент. Психологи – часто большие индивидуалисты, далеко не всегда они готовы работать в команде, особенно если нет признанного лидера. В такой ситуации каждый начинает «свой

огород городить», а большого общего дела не получается.

Наверное, в психологии, которая была до факультета психологии, все-таки по наработкам я, получается, фигура номер один. Я проработал в университете 30 лет. 23 февраля 76 года пришел в университет после клиники.

В 76 году, 23 февраля, я был зачислен на должность ассистента кафедры философии.

Спартак Тимофеевич Беляев был ректором. Он небольшое значение придавал тому, где кто оформлен. То есть надо нам человека принять, для такой-то работы, но нет таких штатных организационных единиц, ну и поэтому я работал в должности ассистента. Потом старший научный сотрудник в 84 году, в лаборатории автоматизированных систем контроля здоровья.»

Начнем с 71-го года, когда вы приехали Новосибирск. Какие у вас на тот момент были цели, планы, ожидания?

«Я учился на факультете психологии Ленинградского университета, и, в основном, распределение было, естественно, европейское. Можно было поехать, например, в Ярославль, какие-то другие европейские города. Но, поскольку я родом с Алтайского края, учился здесь 2 года в физмат школе как одаренный ребенок, потом еще закончил первый курс физфака, получил академическую справку. Мне не было 18 лет, меня не могли забрать в армию. И я когда брал академическую справку, я спросил у них: “Я попробую перевестись на факультете психологии Ленинградского Университета. Если я не переведусь, меня обратно возьмете?”. “Возьмем”. С трудом, но мне удалось перевестись. Частично повлияло и то, что это был первый набор психологов. Я попал на второй курс первого набора...»

После окончания психологического факультета меня тянуло в Сибирь, ближе к Алтаю, три года в Академгородке при таком хорошем отношении ко мне со стороны физмат школы, университета, Академгородка. Меня тянуло сюда. И я начал смотреть заявки, кто из каких городов зовет к себе выпускников. В Новосибирске тогда работало специальное художественно-конструкторское бюро, и туда приехал Михайлов Сергей Алексеевич, он там работал психологом. Он был психологом, но еще с философского факультета. И вот он привез заявку отсюда. Сибирь... И вот поэтому я из

Европы в ссылку сам добровольно поехал (смеется).»

Что Вы можете сказать о Сергее Михайлове?

«Сергей Алексеевич старше меня не много. Он занимался инженерной психологией. Когда я приехал, в художественно-конструкторском бюро психологию не очень понимали, не очень знали. Но один из результатов, который я получил тогда, я сделал проект кабины промышленного электровоза, пульт управления, органы управления, оптимизацию расположения, требования к индикаторам и органам управления с точки зрения инженерной психологии для Днепропетровского электровозостроительного завода.

Я уволился из СХКБ в 74-м году. В 74-м году, осенью приблизительно, я познакомился с группой психологов, которые здесь были: Татьяна Червякова, Надежда Борисова и Александра Захарова. И, на самом деле, на то, что я перешел из СХКБ в клинику, в 3-ю клиническую психоневрологическую больницу на Владимировской, повлияла Захарова. Она сказала: «СХКБ-то в городе – это СХКБ, а Академгородок – это совсем другое». И, конечно, мне хотелось как-то наладить сотрудничество с Академгородком. Она давала знать, что не против пригласить меня на работу, но она сказала: «Было бы хорошо, если бы Вы (наверное, под влиянием общения с Беляевым, а Беляев как физик не мог вникать во всякие психологические тонкости, его больше всего беспокоила проблема срывов у студентов во время экзаменов) до того, как перешли в университет, поработали бы в клинике». Чтобы я набрался опыта. Вот я там работал год, с января 75-го по февраль 76-го. Психологом. Психолог в клинике – больше всего, это помощь в диагностике. Психиатр определяет наличие заболеваний в основном на основе беседы и наблюдения, клинической беседы, сбора анамнеза, опроса родственников. А тестами они, как правило, не пользуются, ну или не обязаны пользоваться. А у психолога есть арсенал тестов. И оказывается, что, например, расстройство мышления при шизофрении элементарно выявляется по методике сравнения понятий. А психиатр, когда он беседует, больной оригинальные мысли выдает, переходы какие-то необычные в мышлении, ему кажется, что это просто своеобразие, оригинальность, и он

может явное расстройство не заметить. И получается, что психолог без особого труда оказывает существенную помощь в диагностике. За время работы в клинике я написал примерно полторы тысячи заключений по данным экспериментально-психологического обследования. И в судебно-психиатрической экспертизе участвовал. Очень интересная работа. Работа в клинике очень многому учит.»

В 74 году Вы встретились в неформальной обстановке, в городе с Захаровой, Борисовой и Червяковой. Что Вы можете нам рассказать об этой встрече, помимо того, что Вам предложили пойти работать в НГУ?

«Захарова, она человек, умеющий общаться, эмоциональный, вовлеченный в работу. Если она смогла ректора вовлечь в эту работу, а потом уже и вызвать в свой адрес сильные эмоции, ясно, что коммуникативные качества очень развиты. И потом она же не сама по себе проводила эту встречу, а как представитель разворачивающейся в университете и в Академгородке новой работы. И, конечно, впечатление было хорошее, это было связано еще и с ощущением перспектив, возможностей развития этой работы. И девочки только приехали после университета, у них тоже было это ощущение перспектив и того, что руководитель самого высокого уровня эту работу поддерживает.»

С кем сотрудничали психологи университета? В плане обмена опытом, знаниями?

«Вот сборник, вот первая статья – эти фамилии вам о чем-то говорят? Бодалев Алексей Александрович, позже стал деканом факультета Московского университета, раньше был заведующим кафедрой в Ленинградском университете. Забродин Юрий Михайлович в то время был заместителем директора Института психологии РАН (институт, организованный Ломовым). И Захарова. Естественно, она прилагала усилия для налаживания контактов, чтобы вот этой только начинающейся работе где-то там далеко в Сибири получить какую-то поддержку. Тогда ведь и центров авторитетных было мало, тут надо было сотрудничество налаживать больше с физиками, математиками, с директором физматшколы, начальником НИСа, социологами и так далее.»

Когда психологические исследования начались в университете?

«Я не помню, когда сюда пришли Червякова и Борисова. По-моему, в середине 70-х. Но в университете здесь до этого была социология, и социологию эту возглавлял Лев Фадеевич Лисс. Он был начальником учебной части одно время, в общем, был известным человеком при руководстве. Захарова-то как раз пришла работать в университет к Лиссу. Но это было до меня, и я деталей не знаю. Он в учебной части работал и, естественно, имел дело, это мои догадки, со статистической информацией, которую надо было как-то привести в порядок, в каком-то виде представлять руководству университета. То есть набираемый контингент он как-то характеризовал. Возможно, какие-то опросы проводил. И Захарова, по моим представлениям, присоединилась к нему. Еще помню такой факт: она, ее муж был тогда доктором наук уже, работал в Институте ядерной физики, и Захарова почему-то подключилась к обсуждению психологических вопросов, хотя сама занималась филологией. И вот тот факт, который я помню, она пересказывала. Она приходила к Беляеву, обсуждала с ним какие-то вопросы, касающиеся отбора школьников, проблемы школьников, обсуждала вопросы, которые ставили перед ней воспитатели. И у Беляева возникло ощущение, что она сотрудница университета, работает в группе Лисса. И вот как-то она в очередной раз с ним какие-то вопросы обсуждала. Он спросил у нее что-то про работу, а она: «Я не работаю в университете», а он: «Как же так?» А она примерно месяцев то ли 6, то ли 9 работала в университете, не будучи там оформленной. Как аспирантка по филологии чувствовала себя близкой к университету, могла разные вопросы задавать и обсуждать. И когда он узнал, что она в университете нигде не оформлена, он ее там где-то оформил. И не исключено, что это было в лаборатории Лисса. Ничего особо не разграничивалось: социология, психология, философия, медицина, врачи, здоровье, адаптация студентов, психологическая служба – все это было намного ближе, чем кажется.»

Как вы считаете, какое психологическое направление было главным в НГУ?

«Для меня одним из главных было направление когнитивной психологии. Как бы вот такая когнитивистическая направлен-

ность. Потому что здесь мышление, познание, стили мышления – когда на эти темы говоришь, то это всем понятно, связано с исследовательской деятельностью и, наверное, на это еще влиял когнитивистический акцент психологии того времени. Захарова, например, добыла методику Амтхауэра, размножила ее и использовала в тестировании при определении способностей у школьников. И еще направление, связанное, если приблизительно сказать, с консультированием.»

А что Вы можете сказать об общей атмосфере в среде психологов в то время?

«Я думаю, что это были ощущения перспектив, возможностей и ощущение поддержки с самого высокого уровня. И еще, может быть, ощущение того, что при всем при том ты все-таки находишься в среде физиков-математиков, и тебе надо многое объяснить им, проявлять терпимость и спокойно относиться к тому, что люди не очень тебя понимают. То есть, с одной стороны, они тебя не понимают, но, с другой стороны, у них есть искренний интерес, и к психологии они доброжелательны, если ты что-то разумное говоришь. И поэтому надо было говорить что-то на самом деле интересное. В этом плюс развития психологии в Сибири: если ты пришел в московский исследовательский институт, то ты можешь говорить, какие-то фразы туманные, а здесь такие разговоры никому не интересны, то есть если ты участвуешь в отборе школьников, ты должен сказать, каких брать, каких не брать, почему – и это оценивает не психолог, это оценивает директор ФМШ и члены ученого совета. А попробуй с ними, физиками-математиками, пообщаться и объяснить им доходчиво, не переоценивая и не недооценивая никого. Поэтому, на каком бы минимальном уровне знаний тогда бы не велись исследования, они велись не идеалистично, а с конкретным практическим результатом – сразу, с самого начала.»

Вспоминает О. В. Зиневич:

«Работать в НГУ я начала в 1975 г. сразу после окончания университета (гуманитарный факультет, специальность – история) в группе социологических исследований, которая работала под руководством Л. Ф. Лисса. Моя первая должность – стажер-исследователь. У Льва Фадеевича я писала диплом о ценностных ориентациях выпускников НГУ. Это был настоящий социологи-

ческий диплом, в основу которого был положен анкетный опрос. Ответы на вопросы обрабатывались на ЭВМ (тогда не было компьютеров). Была написана специальная программа для обработки социологических данных. Вот ею я и пользовалась. В те времена ЭВМ представляли собой достаточно массивные сооружения – занимали большой зал на 2 этаже НГТУ. А данные вводились на перфокартах. Перфокарты “набивали” сами пользователи на специальных аппаратах. Рассказываю это для того, чтобы показать: процесс обработки даже небольших массивов был весьма трудоемким. В психологических исследованиях, которые вела группа Захаровой, информация обрабатывалась либо вручную, либо с помощью весьма громоздких процедур на ЭВМ.

К психологам я попала сразу после окончания стажировки у социологов. Способствовало этому то, что созданная в НГУ группа психологических исследований была размещена в комнате, где обитали социологи. “Жилплощадь” была общая. Когда срок стажировки закончился, руководитель группы психологов Захарова пригласила меня развивать новое тогда направление в советской психологической науке – социальную психологию. Проработала я в группе недолго – кажется, меньше года. За это время познакомилась с литературой по социальной психологии и успела прочитать 2–3 лекции студентам гуманитарного факультета. Несмотря на столь короткий срок, работа в группе не прошла бесследно. Я встретила там с замечательными людьми, с некоторыми из них мы стали друзьями на долгие годы. Ну, а дальше судьба моя круто изменилась: В. П. Фофанов пригласил меня в аспирантуру по философии. Вот с тех пор я философией и занимаюсь.»

Какие направления психологических исследований были на тот момент? Кто ими руководил?

«Мне сложно сформулировать основные направления деятельности группы А. В. Захаровой. Могу сказать, что пользовались известными зарубежными тестами, которые стали, наконец, доступны и советским психологам. Это тесты определения типа личности, личностных особенностей, способностей. Делалось это в целях профориентации. Тестировали, например, школьников, поступающих в ФМШ.

Группа была небольшая, и руководство было в руках одного человека – А. В. Захаровой. Планировалось развивать прикладные исследования в области социальной психологии. Но чем это закончилось – мне трудно сказать.»

Кстати, Захарова – лингвист. В то время она подготовила и защитила кандидатскую диссертацию по психолингвистике.»

В то время Вы занимались исследованиями в области философии? Можно ли говорить, что психологические исследования того времени носили комплексный характер (психология, социология, философия)?

«Психологические исследования, как и любые научные исследования, связаны с философией. А психология в особенности. Если говорить о психологических теориях, то они имеют непосредственный выход в область философии личности. Наль Александрович Хохлов, много лет проработавший на кафедре философии, прекрасно совмещал свои два образования – психологическое и философское и до последних дней своей жизни работал на психологическом факультете НГУ. В 70-е и 80-е годы он принимал самое активное участие в продвижении психологических исследований и психологического образования в НГУ. Мои интересы в области философии имели свои корни в психологической проблематике: от психологических проблем самосознания личности я перешла к вопросам рефлексии в более широком социальном контексте. В своей кандидатской диссертации рассматривала рефлексию как явление межличностное, особый социальный механизм субъект-субъектных взаимодействий.

Что касается связи с социологией. Социальная психология, как известно, возникла на стыке этих двух наук. Собственно, Захарова меня и пригласила в группу как человека, имеющего “начальное” социологическое образование.

Может быть, помните что-нибудь о результатах тех исследований. Что-то интересное, запоминающееся?

«Психологи обрабатывали результаты тестирования школьников ФМШ. Слышу – смеются. Один мальчик, отвечая на вопрос, какое обобщающее слово можно подобрать к паре “кофе – сигареты”, написал “разврат”. А мы как раз кофе пить собирались.

Фото 1. Пленарное заседание на V Всесоюзном съезде психологов. Москва, 1977 г.

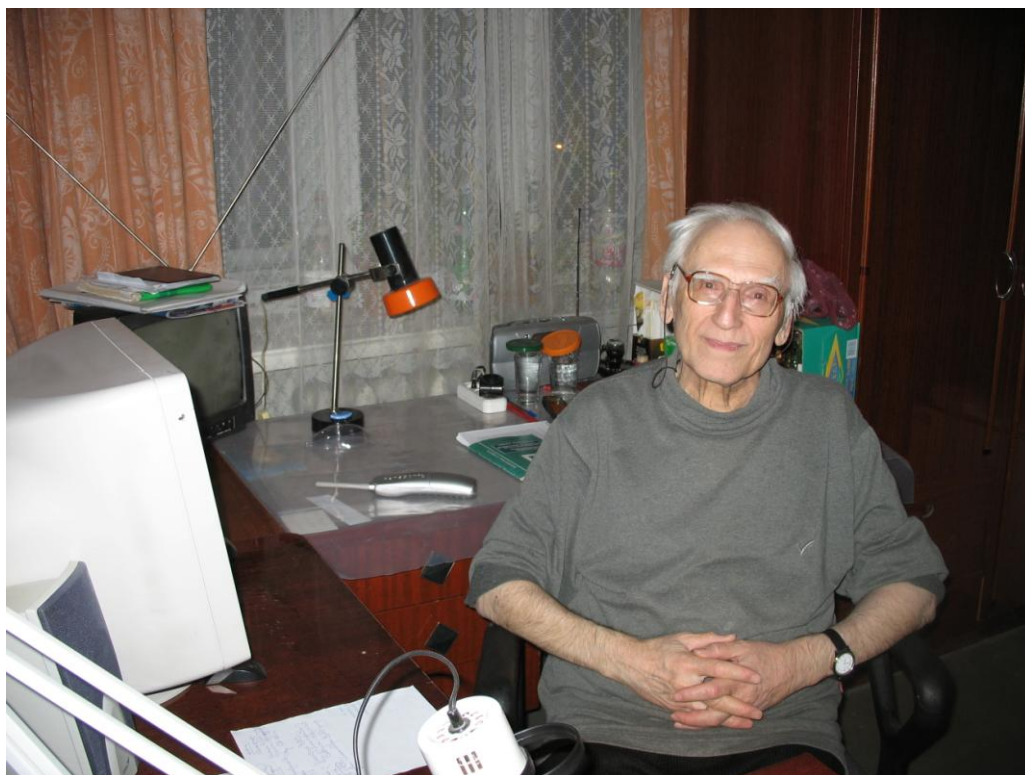

Фото 2. Л. Ф. Лисс. 2008 г.

Фото 3. С. Т. Беляев – ректор НГУ с 1965 по 1978 г. (фото 1990-х гг.)

Фото 4. Н. И. Борисова (Макарова) – одна из первых сотрудниц лаборатории психологических исследований (фото 2008 г.)

Фото 5. Б. Г. Ананьев – лидер ленинградской психологической школы (фото 1960-х гг.)

Фото 6. Червякова Татьяна – одна из первых сотрудниц лаборатории психологических исследований (фото 1970-х гг.)

Фото 7. А. Л. Галин – один из первых сотрудников лаборатории психологических исследований (фото 2003 г.)

В то время курение только входило в моду (я имею в виду женскую половину советского народа). И было оно большей частью ритуальным. Сопровождало “кофепитие”, интеллектуальные беседы. Но в каком-то смысле мальчик был прав. Официальная идеология не поощряла ни свободу в поведении, ни свободомыслия, считало это “развратом” в лучшем случае.»

Как можно охарактеризовать атмосферу, которая была в кругу людей, занимающихся психологическими проблемами в НГУ?

«Энтузиазм, ощущение того, что мы – первопроходцы, дружеская атмосфера.

Что из деятельности психологов, начавших психологические исследования в НГУ, Вам запомнилось, кажется ярким, интересным, значительным?

Думаю, что сам факт организации и существования такой группы в НГУ. Это неординарное явление для того времени. Конечно, мы в Новосибирске были не единственными, но все равно – одни из первых. И все благодаря умнейшему и замечательному человеку, ректору НГУ – С. Т. Бе-

ляеву, который понимал значимость таких наук, как социология и психология, и давал им “зеленый свет” в непростых условиях. В то время социология и психология только-только становились на ноги после сталинских репрессий. Да и хлопот с науками об обществе и человеке было много из-за жесткого идеологического контроля.»

Из интервью с А. В. Ткачевым:

Анатолий Викторович, с чего, по Вашему мнению, начались психологические исследования в университете?

«Беляев Спартак Тимофеевич поставил задачу: исследовать причины успеваемости, выявить связь успеваемости с интеллектом студентов, а также спрогнозировать успеваемость (причем прогноз делался на уровне поступления, на уровне абитуриентов).

Так, в середине 70-х стартовал первый мега-проект в области психологии. Основным инструментом исследования был тест Амтхауэра (по нему прошла вся выборка), его результаты коррелировались с успеваемостью, и со многими другими факторами. Использовался материал ПДО, Личко, данные тестов Векслера, Равена, Кетелла и дру-

гих. Кстати сказать, результаты тестов на интеллект при поступлении учитывались в большей мере, чем вступительные баллы. Выборка была огромной: все ученики ФМШ, абитуриенты, студенты всех курсов и практически всех факультетов! Исследование длилось примерно два года, а какие-то группы студентов тестировались и потом. В других вузах такой глобальной работы не делалось. В своем роде – это уникальный, масштабный проект! Курировал его сам Спартак Тимофеевич, все результаты, выводы, интересные находки (а их по ходу исследования было немало) напрямую шли к нему на стол.

В проекте участвовали две психологини: Надежда Макарова и Татьяна Червякова. Также в проекте участвовал Александр Галин, он продвигал достаточно интересные направления исследований, нацеленных на изучение креативности, стилей мышления, но это уже отдельное самостоятельное направление, которое развивалась параллельно с основным тестологическим проектом.

В это же время также параллельно с фундаментальным мега-проектом шли социально-психологические исследования, это делалось под руководством Льва Фадеевича Лисса, с ним работали две социологини – Ольга Зиневич и Галя Харченко.»

Как Вы попали в группу психологов университета, в чем заключалась Ваша работа, как Вы участвовали в психологических проектах?

«Когда я пришел, мега-проект тестологический набирал обороты, выборка огромная, нужны люди для выполнения технической работы. Я был лаборантом и занимался непосредственно обработкой результатов. Это была серьезная, трудная, кропотливая работа – тогда, ведь, все обрабатывалось вручную. Всего четыре человека делали эту работу!!! Таня Червякова (потом, когда Захарова ушла, Таня стала руководить проектом), Раушана Альдекова, Ира Клисторина и я.»

Чем закончился проект? Какие результаты получили? Что в результатах было значительное, сенсационное, интересное? Что вам запомнилось?

«Было два выхода на математический обсчет. Все результаты обсчитывали два раза, по двум математическим моделям. Громадная работа была проделана! Все на перфокарты заносили... все вручную... огромные

вычислительные машины считали... А резюме было таким: никакая комбинация связи интеллекта с другими показателями не дает существенных корреляций, ровно как и результаты вступительных экзаменов не дают достоверных связей ни с интеллектуальными показателями, ни с какими другими.

Работа громадная проделана. Существенные результаты были получены по социальному показателю. Была одна сильная корреляция. В частной группе мальчиков-студентов, имеющих неполную семью. Если у мамы неполное высшее образование, или только среднее, то эти юноши имеют тенденцию учиться отлично. Сами понимаете, мама недоучилась...

Результаты вы можете увидеть в статье Червяковой в сборнике за 79 год. Эта статья является официальным отчетом по всему исследованию.»

Первый масштабный проект был реализован. Что было потом? В каком направлении стали двигаться психологи?

«Дополнительный “подпроект” был активирован. Была задача смоделировать типологию... выявить когнитивные типы, и определить, как они коррелируют с успеваемостью.

Занимался этим, прежде всего Александр Латыпович Галин. У Галина талант составлять описания. Он психолог-клиницист (пришел в университет из клинической практики, работал в психиатрической больнице психологом, вел консультации).

В результате исследований Галин создал описательную модель когнитивных типов, описал эти типы на уровне личностных черт. Потом он сделал опросник, апробировал его, запустил диагностику. Я принимал участие в этих исследованиях, была набрана приличная выборка (ученики ФМШ, студенты).

Описания из реальности. Так, на глаз, конечно, все видят, что студенты разные, а в этом исследовании были реальные показатели, реальные корреляции, коэффициенты (как, чем отличаются, в чем особенности; были “построены” (!) описательные типы). Все было прописано, формализовано. Выявлены и сопоставлены когнитивные типы с различными личностными показателями. Делали корреляцию с успеваемостью. Типы коррелировали на “своей территории”

(у студентов матфака свои корреляции, у студентов гумфака (полярные) свои корреляции). Смотрели разные полюса, смотрели, что это за люди на этих полюсах... Делали социоматрицу, смотрели, кто с кем общается (есть ли связь социального статуса с когнитивным типом). Фантастические результаты получали! Кстати, по когнитивным типам и по опроснику есть статья Галина.

Смотрели речевые особенности, делали лингвистические описания полярных типов. Смотрели специфику лексики, словообразования. Одна из первых моих статей посвящена лингвистическому аспекту этого исследования.»

«В течение 1976 года проводилось дальнейшее развитие исследований по направлениям, намеченным в плане 1975 года.

1. Ежегодное полное обследование уровня интеллектуального развития учащихся летней физматшколы. Проведение разработанной процедуры комплексной многомерной оценки результатов пребывания ученика в летней школе. Разработка и апробирование таких конкретных форм взаимодействия между психологами и воспитателями-преподавателями летней школы, в рамках которых возможно получение более адекватной психологической оценки учащегося в условиях дефицита времени.

2. Полное обследование уровня интеллектуального развития студентов первого курса всех факультетов НГУ (проведение, обработка, сопоставительный анализ).

3. Проводится работа по описанию, систематизации, анализу и интерпретации типичных для учащегося ФМШ и студентов НГУ психологических затруднений. Ведется работа по подготовке цикла лекций по проблеме адаптации и обучения в вузе для студентов НГУ и учащихся ФМШ.

4. Для исследования процесса адаптации студентов к обучению в вузе разработан адаптированный вариант методики «незаконченные предложения», который позволяет получить информацию о состоянии ряда специфических для студентов психологических отношений при массовом обследовании.

5. В рамках создания психологической службы НГУ проводились консультации для учащихся ФМШ по их личной просьбе и просьбе воспитателей, для студентов НГУ, обращающихся по личной инициативе в консультационные часы.

6. Психологический анализ проблемы отчисления в университете на материале студентов физического факультета набора 1974 года.

7. Начато исследование по выявлению психологических факторов, обуславливающих успешность обучения на материале студентов третьего курса физического факультета. Разработана программа исследований выделенной группы по психологическим методикам, выявляющим структуру интеллекта и свойств личности.

8. Изучение характера связи между успешностью обучения русскому языку в ФМШ и особенностями выполнения заданий тестовой методики. Разработка данного направления обусловлена спецификой проблем, стоящих внутри ФМШ.

9. Разработка в психолингвистическом аспекте проблем речевого общения.

10. В направлении стандартизации и адаптации психологической методики Амтхауэра проводилась работа по подготовке массива имеющихся данных к математической обработке на ЭВМ. Сформулированы задачи и согласованы программы математической обработки экспериментального материала.

11. Сотрудники группы выезжали в ряд районных и областных центров для участия в проведении методики Амтхауэра, метода опроса и включенного наблюдения, ими осуществлен психологический анализ процесса выявления победителей олимпиад. Результаты анализа и рекомендации по улучшению этого процесса представлены в отчетах» [Отчет..., 1977. С. 43–45].

«Основной задачей, определяющей специфику деятельности группы психологических исследований при НИСе НГУ, является повышение эффективности учебно-воспитательного процесса в вузе. Решение этой задачи связано в первую очередь с возможностью создания системы психологической службы в НГУ и в специализированной физико-математической школе при НГУ.

Основным условием функционирования системы психологической службы является наличие достаточно полной информации о личности студента. Наличие подобной информации позволит во многих ситуациях, возникающих в ходе взаимодействия административно-преподавательского состава со студентами, принимать более обоснованные

и тем самым более адекватные решения этих ситуаций.

В связи с этим сотрудниками группы проводятся следующие психологические процедуры:

1. Ежегодное полное обследование уровня интеллектуального развития студентов первого курса всех факультетов НГУ методикой Амтхауэра, которое включает в себя подготовку эксперимента, проведение и обработку результатов, сопоставительный анализ по наборам студентов разных факультетов, разных курсов, по группам выпускников обычных средних школ и ФМШ при НГУ, разных факультетов и разных курсов, по группам мужчин и женщин разных факультетов и разных курсов. Данные в обобщенном виде представляются для обсуждения в деканаты и ректорат.

На основании анализа результатов тестирования выделяются группы для психологического наблюдения: а) студенты с очень низкой и очень высокой общей успешностью выполнения методики Амтхауэра; б) студенты с низкой и высокой успешностью выполнения субтеста на обобщение слов; в) группы студентов с выраженным расхождением между академической успешностью и успешностью выполнения методики Амтхауэра.

Сотрудниками группы проводятся индивидуальные консультации по результатам тестирования.

2. Ежегодное обследование уровня интеллектуального развития учащихся летней физико-математической школы. Проводится разработанная сотрудниками группы процедура комплексной оценки результатов пребывания ученика в ЛШ, что позволяет более эффективно в сжатые сроки осуществлять отбор в стационарную ФМШ.

3. Для студентов и учащихся ФМШ, испытывающих сильные внутренние затруднения психологического характера, два раза в неделю проводятся индивидуальные психологические консультации.

4. Для эффективной адаптации к условиям обучения ФМШ в факультатив по психологии включены занятия, направленные на повышение защитных свойств личности.

5. Апробация различных форм работы со студентами, направленных на повышение адаптационных свойств личности (лекции по адаптации к обучению для первокурсников, проведение экспериментальных мето-

дик и обсуждение их результатов со студентами группы).

6. Проведена работа по выявлению возможностей сотрудничества общественной приемной комиссии.

Для более полного теоретического осмысления экспериментального материала и в поиске наиболее адекватных форм активного взаимодействия на учебно-воспитательный процесс проводятся исследования в следующих направлениях:

I. Психологический анализ результатов математической обработки экспериментального материала массива учащихся ФМШ-75. Обсуждены варианты обработки результатов тестирования по выявлению индивидуальных особенностей стиля выполнения. Для обработки по расширенной программе подготовлен массив студентов НГУ (600 чел.).

II. Проведен психологический анализ и обсуждение результатов первого этапа экспериментального исследования по выявлению характера связи между успешностью выполнения методики Амтхауэра и успешностью обучения на физфаке.

III. Подготовлены к печати результаты работы по выяснению возможностей прогноза успешности обучения русскому языку в ФМШ вербальными субтестами используемой методики.

IV. Подготавливается к печати работа по анализу адаптационных свойств личности в связи с особенностями мышления.

V. Проведена апробация многофакторного личностного опросника Кеттелла и характерологического опросника. Начаты исследования, направленные на выявление зависимости между особенностями интеллекта и свойствами личности.

Начато исследование по выявлению возможностей прогноза нарушений в речевом общении у студентов при помощи вербальных субтестов методики Амтхауэра» [Отчет..., 1978. С. 55–57].

«Ведется работа по теме 11.7.1. координированного плана научно-исследовательских работ по проблемам высшего и среднего специального образования на 1976–1978 годы.

Научно-исследовательская работа по актуальной для НГУ тематике «Психологические аспекты повышения эффективности учебно-воспитательного процесса в университете» ведется сотрудниками группы психологических исследований НИСа НГУ, зав.

кафедрой философии, канд. филос. наук В. П. Фофанов является научным руководителем.

Такое направление исследования, тесно связанное с работой практического и преподавательского характера, можно рассматривать как раздел темы 11.7.1. «Исследование вопросов совершенствования структуры систем образования» координационного плана научно-исследовательских работ по проблемам высшего и среднего специального образования на 1976–1980 гг.

Общее направление работ связано с изучением социально-психологических и психологических аспектов адаптации студентов к обучению в университете.

В этом направлении выделен ряд проблем, начата постановка конкретных задач исследования.

I. Общая проблема. Развитие индивидуального подхода в обучении.

Конкретная задача исследования:

«О зависимости успешности обучения студентов от некоторых характеристик мыслительной деятельности».

Завершен поиск адекватного математического аппарата для обработки результатов проведенных экспериментов. Проведены:

- 1) подготовка массива данных к обработке;
- 2) отладка программы на массиве данных;
- 3) анализ первых результатов обработки.

Конкретная задача исследования: «Влияние особенностей речевого поведения на самооценку личности».

Сформулирована общая задача, разработана программа первого этапа исследования, проведены ориентировочные эксперименты по уточнению постановки задачи и гипотезы, а также поиску методик по измерению уровня речевого развития.

В рамках общего направления работы группы проводится исследование: «Психологическое консультирование студентов в связи с задачами психопрофилактики».

В НГУ и ФМШ используется система прикладной психологической работы по названной тематике. Проведена дальнейшая работа по обоснованию психологических консультаций, по улучшению их организации, инструментализации, а также по повышению эффективности проводимых консультаций.

II. Общая проблема. Взаимодействие неформальных групповых структур, выраба-

тываемых ими групповых норм и ценностей, и индивидуальная система ориентации студентов.

Конкретная задача исследования: «Взаимосвязь между уровнем и характером самооценки личности и ее положение в структуре межличностных отношений в группе».

Сформулирована задача, разработана программа первого этапа исследования, проведена серия пробных экспериментов по уточнению постановки проблемы и гипотезы, осуществлен поиск адекватных методик по измерению социально-психологических характеристик личности и групп в русле поставленной проблемы.

III. Бюджет времени студентов Новосибирского государственного университета.

Содержание работы: изучение суточных временных затрат студентов на различные виды деятельности с целью разработки рекомендаций по совершенствованию учебного процесса и повышения эффективности воспитательной работы.

За отчетный период среди студентов первых трех курсов всех факультетов университета было проведено анкетирование, разработана программа статистической обработки. Собранный эмпирический материал был закодирован и обработан на ЭВМ.

В настоящее время завершается работа по оформлению научного отчета. Результаты работы будут переданы в деканаты факультетов для использования в планировании и текущей работе» [Отчет..., 1979а. С. 59–61].

«6.1. Научно-исследовательская работа по актуальной для НГУ тематике «Психологические аспекты повышения эффективности учебно-воспитательного процесса в университете» ведется сотрудниками группы психологических исследований НИСа НГУ.

Направление исследования, тесно связанное с работой практического и преподавательского характера, можно рассматривать как раздел темы 11.7.1. «Исследование вопросов совершенствования структуры систем образования» координационного плана научно-исследовательских работ по проблемам высшего и среднего специального образования на 1976–1980 гг.

Первое основное направление работы представлено системой исследования индивидуальных различий в мышлении (в плане преобладания образных или логических

компонентов) и связи выделяемых стилей мышления с особенностями психологической, социально-психологической адаптации студентов к обучению. В рамках этого направления в 1980 году проводились исследования по следующим темам:

“Возможности использования теории измерений для обнаружения закономерностей и формирования понятий в психологии” (Е. Е. Витеев).

“Влияние уровня владения речью на самооценку старшеклассников” (Р. А. Альдекова, Т. И. Червякова).

“Использование методов структурного текста в работе с проективными методами” (Н. С. Розов).

Результаты работы по названным темам отражены в сборнике “Системный метод и современная наука”, вып. 6 (Новосибирск, 1980), а также в готовящемся к печати сборнике зональной Сибирской научно-практической конференции «Психологические аспекты повышения эффективности трудовой и учебной деятельности» (Новосибирск, 1981).

Третьим научно-исследовательским и научно-организационным направлением, разработанным психологической группой НГУ, является направление создания психологической службы в НГУ и ФМШ (ответственный исполнитель – А. Л. Галин).

Результаты работы в данном направлении будут отражены в готовящемся к печати сборнике “Психологическая служба высшей школе” (ответственный редактор – доцент В. П. Фофанов, 1981).

6.2. Кроме перечисленных работ продолжалась работа по исследованию бюджета времени студентов.

За отчетный период были обработаны на ЭВМ-220 по алгоритмам таксономии материалы социологического обследования бюджета времени студентов первого курса мехмата и физического факультета. Информация о затратах времени анализировалась по следующим параметрам: социально-демографические признаки студентов (пол, успеваемость); характер дней недели (учебные, выходные, предвыходные дни); величина временных затрат по различным видам деятельности; степень обобщенности исходных данных и т. п.

Подготовлена программа автоматического перевода эмпирических данных обследо-

вания с ЭВМ-220 на ЭВМ-ЕС для последующей таксономии по другим курсам и факультетам университета. Составлен ряд подпрограмм для упаковки информации, перекодировки, отбора признаков и т. п.

Разработаны и апробированы подпрограммы статистической обработки материалов обследования, касающихся режима дня студентов.

В настоящее время ведется работа по подготовке материалов обследования, связанных с режимом студентов, для обработки по алгоритмам таксономии. Изучаются возможности анализа эмпирического материала другими методами распознавания образов» [Отчет..., 1979б. С. 81–83].

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. в университете предпринимается попытка создания психологической службы для студентов, тем более что потребность в ней становится очевидной, и есть люди, которые готовы заниматься ее развитием.

Из интервью с А. В. Ткачевым:

Анатолий Викторович, расскажите подробнее о том периоде, когда начала активно развиваться психологическая служба в университете? В чем заключалась деятельность психологов? Может, можно выделить направления работы?

«Это уже 80-е годы. Все началось с амбулатории... Амбулатория... Я там работал... Там НЛП открыто из источников.

Была запущена программа профилактики здоровья студентов...

В 1982 году запускается эта программа и параллельно с ней запускается программа психоконсультирования. Программа реально существовала с 1982 по 1989. Было проведено обследование абитуриентов и первокурсников. Работали специалисты института физиологии СО РАН. На их фоне работала бригада психиатров (Завьялов – куратор). К программе были привлечены и психологи (диагностика, консультирование). Психологи выявляли, кому нужна психологическая помощь, какая, почему, и оказывали ее.

Я был в этой программе. В амбулатории я стал консультантом.

Период амбулатории – это период перехода в психотерапию, можно его назвать “психотерапевтический период”. Проводились консультации, была организована групповая работа (тренинги, групповая психотерапия).

В амбулатории основная психологическая работа лежала на Александре Арсеньеве (психиатр, психотерапевт) и Олеге Андрееве (психиатр). Это был костяк.

Мы работали в плотном режиме – каждый день, но весь спрос закрыть не могли (спрос реально никто не выявлял). Студенты и сотрудники приходили на консультации.

С 1984 года мы работали в парадигме НЛП.

У нас в амбулатории создавалась определенная атмосфера, психологи и психотерапевты тусовались, делились опытом, обсуждали... В течение нескольких лет шла продуктивная работа, были семинары. К нам присоединялись интересные люди.

В работе психологов и психотерапевтов, в амбулатории было три направления: консультирование и психотерапия, групповая работа и привлечение первоклассных специалистов. Например, Арсеньев привозил Алексейчика, который проводил здесь семинар, показывал свои методы работы. Семинар был объявлен по городу и в городке. Тренинг был в 3-м общежитии, в гипнотарии.

Я в амбулатории осел. Мои последние годы работы в университете – это работа в амбулатории (там был кабинет, я консультировал, работал в парадигме НЛП).

... Чуть позже ушел Саша Арсеньев. Программа профилактики здоровья закрылась. От группы психологов к тому времени остался один Галин (да и он вскоре ушел).

Параллельно уже работал Рыженков Петр, но он свою линию продвигал. Вел группы, с факультетом общественных профессий сотрудничал.»

Из интервью с А. Л. Галиным:

Александр Латыпович, как Вы считаете, была ли сформирована психологическая служба в университете?

«Наверное, это все-таки были элементы психологической службы. И в какой-то период было что-то похожее на психологическую службу.»

В какой период?

«В амбулатории НГУ. Лаборатория контроля здоровья. Туда могли обращаться за консультацией студенты всех факультетов. Там уже было несколько специалистов. Психологи: я, Ткачев, Киянова. Психотерапевт был: Александр Арсеньев. И мои контакты с институтом Бехтерева, и моя работа в клинике...»

И еще тогда в университете был факультет общественных профессий.»

Действительно, в университете был факультет общественных профессий, где дополнительно, факультативно студенты могли познакомиться с интересующими их профессиями. Что касается психологии, на ФОПе можно было не столько познакомиться с профессией психолога, сколько была возможность знакомства с самими психологами.

«В октябре-ноябре 1980 г. на ФОПе для студентов НГУ был прочтен курс лекций по научной организации труда студентов.

Отделение социальной психологии готовит общественных кураторов. Формы обучения: лекции, семинары, психологические практикумы. Студенты участвуют в социометрических исследованиях на 1 курсе НГУ, кураторская работа в учебных группах.

На отделении прикладной психологии в 1979–1980-х гг. работал А. Л. Галин.

В 1980 году на ФОПе было отделение практической психологии»¹ (декан ФОП – к.ф.н, Л. В. Хазова).

Два психологических отделения:

1) прикладной психологии (преп. А. А. Ткачев). 19 студентов выпустились за 83/84 уч. год;

2) отделение социально-психологического тренинга (преп. П. Е. Рыженков). 10 студентов выпустились за 83/84 уч. год.

Декан ФОП – канд. ист. наук, доцент Т. П. Аношина

Активное участие в продвижении психологии в университете принимал Н. А. Хохлов, великолепно соединивший в своей деятельности философию и психологию. Он, безусловно, был философом, но философом, которому интересен и отдельный человек со всеми его проблемами, порывами и прорывами. С Кубы Наль Александрович привез в университет тест Люшера, освоил его и успешно использовал как в своей исследовательской, так и преподавательской практике. Он же способствовал распространению этого теста, привлечению к сотрудничеству с университетом новых психологов (лично я впервые оказалась в университете благодаря

¹ Справка о работе факультета общественных профессий Новосибирского государственного университета им. Ленинского комсомола от 24 декабря 1980 г. С. 27; ФОП: отчет о работе и протоколы заседаний Совета факультета общественных профессий за 1983/84 гг.

именно Наю Александровичу, с его подачи я занималась изучением психотерапевтического эффекта групп интенсивного обучения иностранному языку, в соавторстве с ним мы опубликовали несколько статей и далее сотрудничество с ним продолжалось в различных направлениях вплоть до его преподавательской работы уже на факультете психологии с момента образования факультета и до ухода Наю Александровича) и повороту в исследовательской практике психологов университета от изучения интеллекта собственно к личности.

В 1989 г. в университет приходит выпускник Московского государственного университета Петр Ермолаевич Рыженков. Но это уже другая история и другой этап в деятельности психологов в Новосибирском университете.

(Продолжение в следующем номере)

Список литературы

Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.

Отчет о научно-исследовательской работе за 1971–1975 гг. (в 9-ю пятилетку). Новосибирск, 1976.

Отчет о научно-исследовательской работе за 1976 г. Новосибирск, 1977.

Отчет о научно-исследовательской работе за 1977 г. Новосибирск, 1978.

Отчет о научно-исследовательской работе университета за 1978 г. Новосибирск, 1979а.

Отчет о научно-исследовательской работе университета за 1979 г. Новосибирск, 1979б.

Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: ИП РАН, 1997.

Материал поступил в редколлегию 12.09.2009